

УДК 316.776.23

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

*доктор социологических наук, заведующая
отделом социологии культуры и массовых
коммуникаций Института социологии НАН
Украины*

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины*

Новости времен войны и выборов

Аннотация

Представлены данные мониторинга политических новостей, который осуществляется Академией украинской прессы и учеными Института социологии НАН Украины методом количественного контент-анализа новостных программ ведущих украинских телеканалов. Война на востоке страны и ход кампании по выборам президента в мае 2014 года подаются в перспективе “журналистики преданности” — зафиксирована мономодальность и моновалентность медиа-ландшафта. В отличие от президентских, выборы в Верховную Раду в октябре 2014 года повысили градус политической жизни и четче проявили неоднородность политических предпочтений граждан. Воспроизводится новая сегментация политического поля Украины. Новости ориентируются на лидеров предвыборной гонки и тех, кто активно создает информационные поводы.

Ключевые слова: *новости, телевидение, война, выборы, журналистика преданности, медиа-ландшафт*

Хорошо известно, поскольку подтверждено многочисленными обследованиями, что именно телевидение является для граждан Украины основным источником информации о социально-политических процессах и событиях, а в структуре вещания главная роль разделяется в нем между новостями и политическими ток-шоу разной периодичности. Война, разумеется, постоянно присутствует на телевизионном экране, в том числе и в новостях,

ведь на разных континентах она не прекращается. Однако то были “чужие” войны, и впервые в истории независимой Украины война на собственной территории оказалась в фокусе телевизионного контента в целом и новостных программ в частности. Исключительная ситуация требовала поворота в содержании и формате сообщений и, в ответ на такого рода предписание, новости преобразились по сравнению с мирным временем и изменялись в течение года. В то же время они представляли войну не во всех ее ужасающих подробностях, пытаясь незамаскированной избирательностью не слишком сильно травмировать общественные чувства и мораль. То есть контент новостей (медиа-реальность) складывался как следствие встречных тенденций форматирования — новостей войной и войны новостями. В мае и октябре 2014 года к процессу форматирования добавились и выборы — весной президентские, осенью — парламентские.

Хроника же медийных и боевых событий в кратком пересказе выглядит следующим образом. После аннексии в марте Крыма Россией военные действия развернулись в Донецкой и Луганской областях, где возникли соответствующие “республики”. Медийное пространство модифицируется, в нем утверждаются новые различия — как и кого называть, как идентифицировать причины, содержание, ход и последствия такого рода событий; оно становится остро конфликтным, здесь происходит столкновение интерпретаций, предъявляемых противоположными сторонами, словари их защиты и обвинений принципиально не совпадают или становятся зеркальными, а оттенки черного или белого выводятся из публичной риторики. Кроме того, стороны пытаются установить контроль за доступом граждан к альтернативной информации, мотивируя это состоянием информационной войны; действие, которое иногда называют “дурной взаимностью” (Р.Жирар), всегда присущее военному времени, не обошло и Украину. На востоке отключали украинские телеканалы и транслировали российские, целью чего, очевидно, было укрепление коллективной (региональной) солидарности на почве территориального и языково-информационного сближения с другим государством. Поскольку телевидение остается в Украине наиболее доступным медиа, постольку создание однородной и незамутненной “вражеской пропагандой” языковой среды имело смысл в глазах и головах тех, кто действовал именно так. Реакция ответственных за информационную политику в центре и на западе страны была аналогичной — из кабельных сетей и эфира удалялись российские телеканалы. Однако доступ через Интернет к ним оставался открытым, а значит, вся акция приобретала еще и символический характер, ведь тот, кто имел желание, имел и возможность индивидуально воспроизводить конфронтационную диалогичность телевизионного вещания.

В апреле на востоке страны началась антитеррористическая операция украинской армии, Национальной гвардии и добровольческих батальонов, которым активно помогали обмундированием и продовольствием украинские волонтеры, а летом уже развернулась полномасштабная война против вооруженных сил России, добровольцев и местных ополченцев, с многочисленными жертвами с обеих сторон, ранеными, сотнями тысяч беженцев. На российском телевидении украинских военных называли “фашистами”, на украинском противоположную сторону — агрессорами, террористами, боевиками. 5-го сентября в Минске было подписано мирное соглашение, интенсивность боевых действий заметно уменьшилась, однако военные про-

должали гибнуть. На части территорий Донецкой и Луганской областей ни президентские, ни парламентские выборы не проводились, в ноябре там были избраны органы власти, не признанные центральной властью в Киеве. Так к конфискованной у Украины территории (Крым) добавились территории отторгнутые, а шансы возвращения к статус-кво начала 2014 года более чем проблематичны.

Представление о том, каковы телевизионные новости накануне сначала президентских 25 мая, а затем парламентских 26 октября 2014 года и в условиях аннексии и войны на восточных территориях Украины, опираются на результаты долгосрочного проекта “Мониторинг политических новостей”, который осуществляется Академией украинской прессы и учеными Института социологии НАН Украины¹. В феврале, апреле, мае (две недели), сентябре (две недели) и октябре 2014 года наблюдению методом контент-анализа подвергались программы новостей в прайм-тайм на каналах украинского телевидения “УТ”, “Интер”, “1+1”, Новый канал, “СТБ”, “Украина”, “ICTV”, “TVi” (в осенней волне новости на “TVi” заменили новостями 5-го канала). Далее будем ссылаться на данные именно этих исследований в той части, которая касается предвыборных кампаний в ситуации вооруженного конфликта (полные аналитические материалы выставлены на сайте Академии украинской прессы, www.aup.com.ua).

В современной истории известна аналогия президентским выборам на фоне вооруженного конфликта в стране с его многочисленными жертвами среди военных и гражданских — в Сирии в июне 2014 года. Однако экстраординарность обстоятельств в нашей стране обусловлена еще и радикальным способом смены власти в последней декаде февраля 2014 года: часть населения настаивала на проевропейском выборе для Украины и свержении действующего политического режима, другая часть явно и молча поддерживала сближение с Россией и сохранение властного статус-кво. Трагические события 20 февраля заставили избранного в 2010 году президента и часть его сторонников сложить с себя властные полномочия и покинуть пределы страны. Ближайшим следствием перехода власти к другим политическим силам практически к сентябрю стала если не отмена, то малозначимость некоторых традиционных различий типа “власть — оппозиция”, поскольку последняя не была организационно сформирована, а также актуализация различий, казалось бы, окончательно выведенных из политического или журналистского обихода. В сентябре и октябре ситуация заметно корректируется.

Внимание академических экспертов и специалистов в сфере политики к тому, как конфликты и войны подаются в печатных и электронных медиа, остается и высоким, и постоянным. Достаточно сослаться на материалы, которые размещаются на портале “The War and Media Network” (www.warandmedia.org), цель которого определена как установление продуктивного диа-

¹ “Мониторинг политических новостей” осуществляется Академией украинской прессы и сотрудниками Института социологии НАН Украины с 2003 года методом количественного контент-анализа новостных программ ведущих украинских телеканалов (www.aup.com.ua). Научное руководство — Н.Костенко, В.Иванов. Для обследования 2014 года финансовую поддержку предоставили Посольство Великобритании в Украине, международный фонд “Відродження”, агентство США по Международному развитию (USAID) и программа “У-Медиа” Интерньюз Нетворк.

лога между исследователями и практиками, интересующимися отношением между войной и медиа, включая журналистов, политиков, военных, ученых, художников, писателей, деятелей кинопроизводства, но не ограничиваются только ими, а также на аналитические статьи первого в данном проблемном поле междисциплинарного журнала “War, Media & Conflict”, который с 2008 года издается трижды в год издательством “SAGE”.

На материалах разных медиа и на разнородных событиях показана парадигмальная значимость различения “мы — они”, где “они” — это террористы и преступники, носители соответствующей религии или идеологии, а “мы” — благородные и мужественные, и зафиксированы расхождения в презентации войны 2006 года между Израилем и Хезболла в телевизионных новостях США, Израиля, Ливана и Аль-Джазиры [Melki, 2014]. В итоге доминирующей тенденцией в медиа является подача упрощенной и стереотипной картины конфликтов вообще — продукт “журналистики преданности и верности”, как ее иногда называют [Ruigrok, 2008]. Тщательный и методически обеспеченный анализ хоть и позволяет выявлять отличительные тональности подачи содержания и образов столкновений и споров [Goddard, etc., 2008], однако радикально настроенные исследователи вообще ставят под сомнение возможность “новостей о войне” [Bell, 2008] либо констатируют, что так называемый таблоидный журнализм уже давно покончил с профессиональной журналистикой и создает симулякры объективности [Rusciano, 2010]. В то же время налицо и новая “пропаганда подвига” неких вооруженных робин гудов или че гевар, бескорыстных борцов за справедливость, которую для XXI века тщательно препарирует в недавней книге Н.Болт [Bolt, 2012].

Ситуация в Украине в 2014 году развивалась стремительно, неожиданно и трагически. Ни эксперты, ни журналисты не имели времени подготовиться к ответам на вопросы о том, какими могут или должны быть телевизионные новости или как соблюдать стандарты и нормы, признанные мировым журналистским сообществом. Реакция редакционных коллегий и репортеров была скорее спонтанной, нежели рационально обоснованной.

Выборы президента-2014: “журналистика преданности”

Экстраординарные события привели к значительному увеличению новостного вещания: программы новостей стали намного длиннее, возросло и количество сообщений о событиях. По сравнению с маем прошлого года в мае 2014-го объем недельного новостного потока возрос в 1,5 раза (с 66714 до 100095 сек.), количество упоминаний о политиках — почти вдвое (с 520 до 1010), а объем прямой речи политиков в эфире — более чем в 2,5 раза (с 4808 до 13038 сек.).

После февральских событий на Майдане новости всех вовлеченных в обследование телеканалов становятся, так сказать, украиноцентрическими: средняя доля сообщений о политических событиях в Украине в течение весенних месяцев 2014 года достигла отметки двух третей (59–63 %), тогда как год назад колебалась в пределах четверти (25–26 %), а вместе с сообщениями о международной реакции на украинский конфликт достигла трех четвертей всех новостей (71–73 %). В фокусе внимания “горячая точка” на карте страны: в конце мая доля сообщений из восточных областей занимает почти половину новостного потока (43%, в середине мая 45%) (см. также рис. 1).

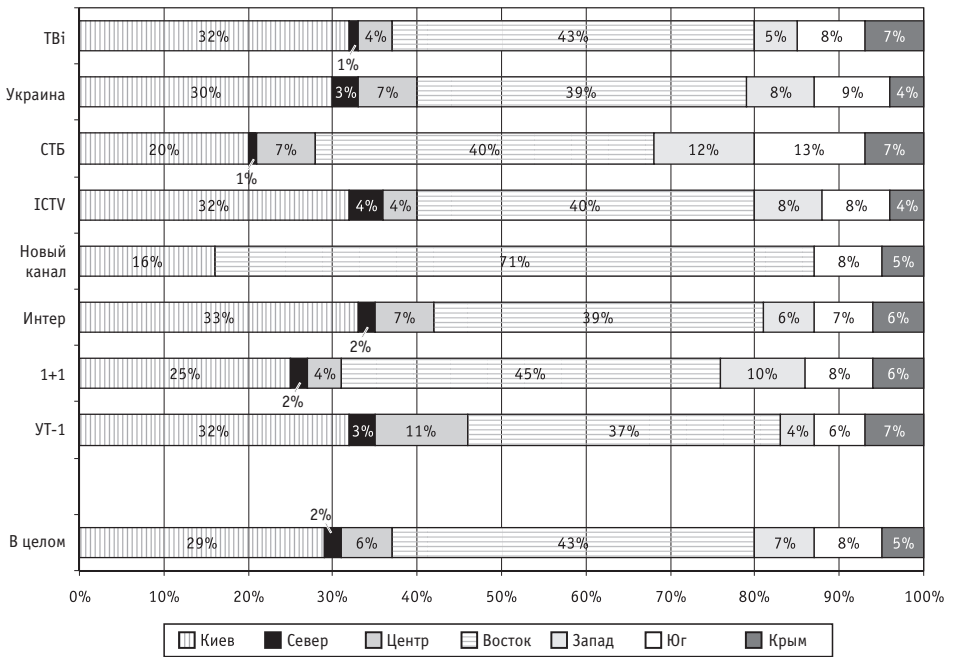

Рис. 1. Распределение внимания новостных программ телеканалов к событиям в регионах Украины: 19–24 мая 2014 года (N = 779 сообщений об Украине)

Программы начинаются сводками с фронтов, состоянием дел в восточных областях, продолжаются трудностями с подготовкой к выборам, подавая события, как правило, с одной оценочной перспективы. Важный для журналистов показатель сбалансированности информации, который в течение года держался на уровне 15–23%, упал до 11%, то есть только каждое десятое сообщение подавалось с несколькими точками зрения на события. При этом негатив приходится преимущественно на политических субъектов, которые конфронтируют со всей страной, самопровозглашенные “ДНР” и “ЛНР” и их руководство. Однако это еще то время, когда лидерам-федералистам не полностью отказывают в новостном эфире украинских каналов. В последнюю неделю перед президентскими выборами высказывания В.Болотова (“ЛНР”), И.Гиркина, П.Губарева (“ДНР”) транслировались на одном–двух каналах (115 сек., 21 сек., 21 сек. соответственно), а “народный мэ” Славянска В.Пономарев имел синхрон на пяти каналах (95 сек.). Несмотря на негативный контекст одно лишь присутствие лидеров и граждан самопровозглашенных “ДНР” и “ЛНР”, предоставленная им возможность публично высказать свое мнение выступала актом их легитимации, определенного признания, степень которого, впрочем, не определить и не измерить. Но и альтернативная опция — не показывать и не упоминать — еще более неприемлема. Итак, коллективы ньюзрумов свой выбор сделали при отсутствии акцентированного правила, которое должны соблюдать журналисты в сложившихся обстоятельствах.

Еще один необычный признак заключался в наличии сообщений из Фейсбука, Твиттера, блогов: их доля составляла 5% на второй неделе мая и 7% — на третьей. Безусловно вынужденный шаг редакторов новостных про-

грамм при отсутствии на тот момент регулярных сообщений официальных пресс-служб АТО и невозможности делать свое дело корреспондентам непосредственно на месте событий. Тем самым новости насыщались сообщениями, которые невозможно было проверить, журналистика фактов высвобождала пространство журналистике слухов, отголосков, искажений. На войне, пожалуй, иначе и не бывает, ведь правде по разным, иногда очень уважительным причинам, здесь не место, на ее место приходят замалчивание и недомолвки о неудачах, акцентуация успехов, распространением и даже продуцированием которых только и остается заниматься новостным медиа. Показательно, что в апреле граждане — пострадавшие, вовлеченные в противоборство, наблюдатели — в новостях чаще политиков и официальных лиц комментировали события (в 30% против 26% сообщений об Украине), а в мае чаще экспертов (в 25% против 17% сообщений об Украине): как могли, как чувствовали, как понимали причины и следствия происходящего, на свой лад и усмотрение.

Внимание в новостях к собственно выборам президента постепенно возросло с 13% всех сообщений в апреле до 18% на второй неделе мая и до 31% накануне дня голосования (рис. 2). На финишной прямой наибольшее внимание к такому событию продемонстрировали каналы “ICTV” (49%) и “TVi” (44%). Однако за две недели до выборов внимание к ним было ниже (18%), чем за месяц на предыдущих президентских выборах в декабре 2009 года (21%), кандидаты в президенты меньше говорили в эфире, процедура ограничилась одним туром, якобы согласно представлению о целесообразности или нецелесообразности различного рода затрат в условиях военного времени.

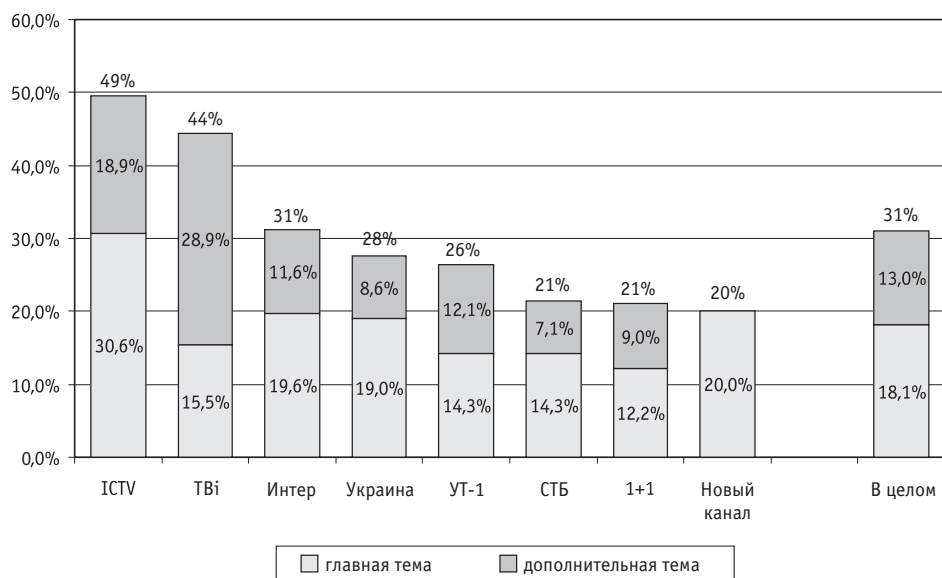

Рис. 2. Внимание к президентским выборам в новостях украинских телеканалов: 19–24 мая 2014 года (N = 779 сообщений об Украине)

Легитимность выборов в интерпретации новостей под сомнение не ставится. По крайней мере в 90% случаев о ней вообще не упоминают тогда, когда речь идет о выборах как главной теме сообщений, в 9% случаев в новостях

подтверждается легитимность и лишь в 1% сообщений поднимается вопрос об их нелегитимности. Между тем сюжеты о невозможности организации выборов на большинстве участков Донецкой и Луганской областей подавались регулярно. Так и вышло: в Донецкой области проголосовали чуть больше 115 тыс. избирателей, то есть в 23 раза меньше, чем на выборах 2010 года, а в Луганской области 52 тыс., что в 27 раз меньше, чем на предыдущих президентских выборах.

В целом во всех новостных программах внимание (то есть упоминания в сообщениях) накануне выборов (19–24 мая) было сосредоточено преимущественно на трех претендентах на высшую государственную должность: Ю.Тимошенко (4,4%), П.Порошенко (4,2%), С.Тигипко (3,1%). Другие кандидаты, как и на предыдущей неделе, упоминались не так часто, что в основном совпадало с результатами опросов общественного мнения и общими комментариями в публичной сфере (рис. 3). В новостях не принято разъяснять положения программ, поэтому и внимание к ним минимальное, хотя о программе П.Порошенко упоминают чаще, ведь он явный лидер по предвыборным опросам, а в медиа и среди экспертов дискутируется возможность и целесообразность завершения всей кампании уже в первом туре.

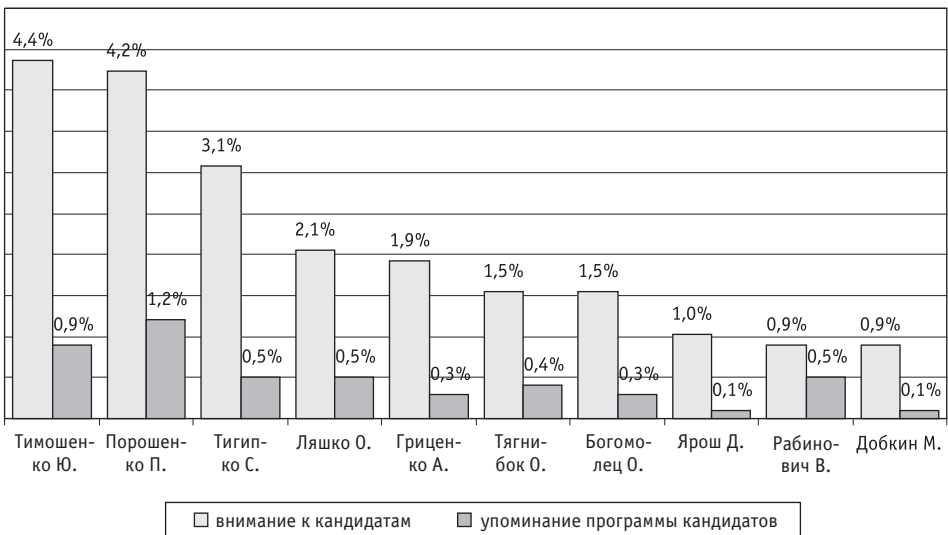

Рис. 3. Внимание к кандидатам в президенты и к их программам в новостях украинских телеканалов: 19–24 мая 2014 года (N = 779 сообщений об Украине)

По мере продолжения президентской кампании негативная оценочная насыщенность упоминаний о кандидатах поступательно снижалась. Если в апреле негативные и сомнительные оценки касались П.Симоненко (43% всех высказываний о политике), Д.Яроша (40%), М.Добкина (27%), Н.Королевской (25%), Ю.Бойко (17%), С.Тигипко (16%), Ю.Тимошенко (14%), О.Ляшко (9%), П.Порошенко (2%), а возглавлял негативный рейтинг О.Царев (64%), то накануне выборов среди оставшихся в списке кандидатов негативно и иронически оценивались П.Симоненко (36%), А.Гриценко (11%), С.Тигипко (4%) и Ю.Тимошенко (3%). Исключительно позитивное оценочное пространство, наоборот, расширилось, указывая на активизацию

рекламной функции новостей: в течение последней недели перед выборами позитивные имиджи имели П.Порошенко (15% всех высказываний о политике), Ю.Тимошенко (15%), О.Ляшко (15%), А.Гриценко (11%), О.Тягнибок (8%), С.Тигипко (7%).

С приближением дня голосования увеличивалось и время, предоставляемое в новостных программах для высказываний кандидатов: с 1743 секунд в апреле до 1934 секунд на второй неделе мая и до 2081 секунды — на третьей. Но распределялся основной медиа-ресурс — прямой эфир — между политиками несколько иначе по сравнению с рейтингами внимания, что свидетельствовало об относительно автономных практиках новостей, формируемых не без коммуникативной активности команд кандидатов и политических предпочтений собственников каналов. В апреле 14 кандидатов имели синхрон в новостях; больше всего времени пришлось на П.Порошенко (21% всего синхрона кандидатов), Ю.Тимошенко (16%), М.Добкина (15%) и Р.Кузьмина (12%). В мае всего 11, то есть половина зарегистрированных кандидатов, выступали в программах новостей (так было и на предыдущих выборах). На второй неделе наибольшую долю синхрона имели П.Порошенко (20%), Д.Ярош (17%), П.Симоненко (14%), Ю.Тимошенко (12%) и О.Богомолец (9%). Распределение синхрона накануне выборов осуществлялось в пользу тех кандидатов, на кого сделали ставку конкурирующие политические силы: М.Добкин (24%), П.Порошенко (19%), Ю.Тимошенко (23%). Их прямая речь в прямом эфире заняла в новостях две трети всего синхрона кандидатов, отодвинув на задний план всех остальных. П.Симоненко, например, предоставили всего 23 секунды эфира, что в 12 раз меньше, чем неделей ранее (рис. 4).

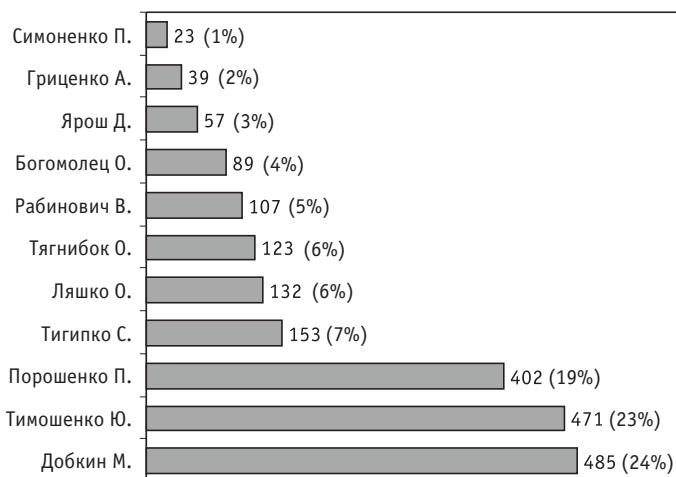

Рис. 4. Высказывания кандидатов в президенты в новостях украинских телеканалов: 19–24 мая (N = 2081 сек., %)

Все 11 кандидатов имели синхрон только на канале “Украина”, 9 — на “Интере”. На канале “1+1” накануне выборов в новостях высказывался только В.Рабинович, на Новом канале — В.Рабинович и С.Тигипко, на “TVi” — П.Порошенко и П.Симоненко. В новостях “УТ-1” синхрон кандидатов отсутствовал, поскольку канал выделил специальное время для изложения программ всех зарегистрированных кандидатов в президенты. Судя по

предпочтениям каналов в плане предоставления новостного эфира претендентам на высший государственный пост, они придерживались определенных предвыборных стратегий (рис. 5).

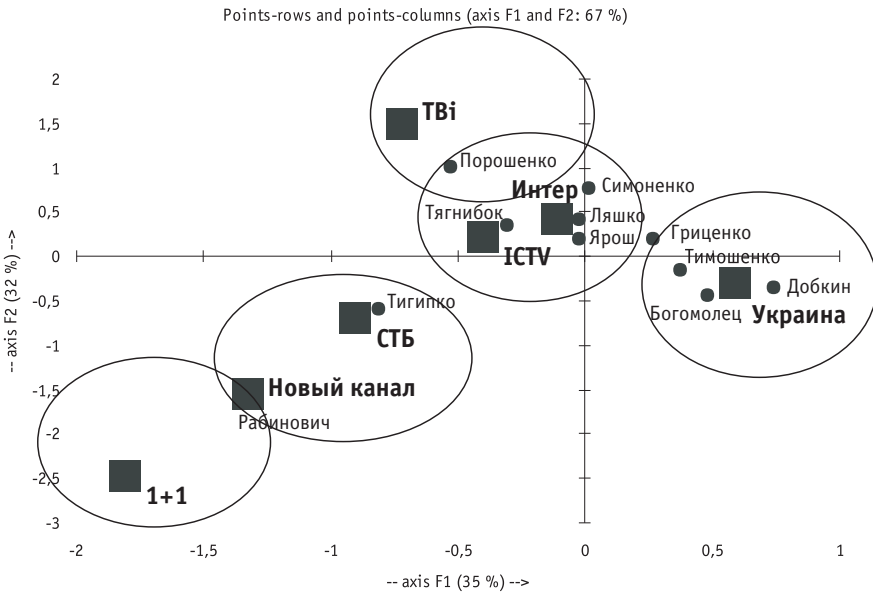

Рис. 5. Предвыборные предпочтения украинских телеканалов: 19–24 мая 2014 г. ($N = 2081$, correspondence analysis*)

* $\chi^2 = 2776,062$ и значимое на уровне 0,050, критическое значение $\chi^2 = 79,083$, при $df = 60$.

Итак, с приближением даты выборов новости намного чаще позитивно оценивали кандидатов в президенты, воздерживаясь от негативных оценок. В свою очередь, претенденты умеряли критику друг друга, подчеркивали свою проукраинскую позицию. В итоге на фоне необъявленной войны с соседним государством, невнимания к содержанию программ и чуть ли не демонстративной политической толерантности в программах новостей создавалось и поддерживалось впечатление о патриотически отформатированной кампании, о чуть ли не сообществе кандидатов-единомышленников, желающих исключительно блага родной стране. Новости фактически транслировали идею солидарности, которая в сложившихся обстоятельствах переводила в статус маргинальных расхождения в политических симпатиях и антипатиях избирателей.

Выборы в Верховную Раду-2014: манифестация плюральности политических предпочтений

Перезагрузка высших органов государственной власти продолжилась внеочередными парламентскими выборами, которые несколько по-иному форматировались новостями. Иначе быть не могло, ведь значительная часть избирателей Партии регионов и Коммунистической партии Украины не приняли Майдан и его последствия касательно перераспределения властных полномочий, а политический раскол страны был лишь определенным

образом замаскирован президентскими выборами и отсрочен для предъявления и актуализации. И проходил он не по линии разграничения между Украиной и “ДНР” и “ЛНР” согласно сентябрьским Минским протоколам, а изощреннее — по восточным и южным преимущественно областям. На дифференциацию политических предпочтений или предубеждений населения и готовность предъявлять их на выборах, по-видимому, влияли события начала года в украинском политикуме и нескрываемая помощь оружием и “добровольцами” со стороны соседнего государства. Однако эмпирическая фиксация последствий такого влияния — дело сложное и требует отдельного исследования. Структуризация же политических сил и избирателей произошла следующим образом.

Партия регионов хоть официально и отказалась от участия в выборах, тем не менее большинство ее ведущих партийцев образовали Оппозиционный блок либо вошли в список партии Сергея Тигипко “Сильная Украина”. Обе структуры активно выступили с критикой власти, восстановив, тем самым, дихотомию “власть — оппозиция”, которая была элиминирована с майских выборов. Новая власть сконструировала два новых субъекта политического процесса на следующий избирательный цикл: приверженцы Президента объединились в Блок Петра Порошенко, а сторонники премьер-министра А.Яценюка — в “Народный фронт”. Всеукраинское объединение “Батьківщина” выступило кадровым донором — часть ее членов пополнила списки обеих партий во многомандатном округе, часть баллотировалась от этих партий в одномандатных округах. Коммунистическая партия, “Гражданская позиция” (Анатолий Гриценко), Партия “Свобода”, Радикальная партия Олега Ляшко и Объединение “Самопоміч”, набравшее 25 мая 6% голосов на выборах в Киевский городской совет, по данным опросов избирательных настроений входили в список основных претендентов на места в Верховной Раде.

Всего 52 партии выдвинули своих кандидатов в народные депутаты (на минувших выборах — 87), а 29 из них конкурировали за преодоление 5-процентного барьера еще и по партийным спискам. Явка на выборы в высший законодательный орган была самой низкой за всю историю независимой Украины — 52,42% (на очередных выборах 2012 года — 57,98%), а меньше всего избирателей пришло на участки в Донецкой (32%) и Луганской (33%) областях. То есть значительная часть имеющих право голоса, очевидно, растерялась, не нашла и даже не искала приемлемых для себя политических альтернатив и возможностью гражданского волеизъявления не воспользовалась. Причем в 27 округах территорий этих областей, подчиненных “ДНР” и “ЛНР”, выборы не проводились — там через неделю были объявлены собственные. Более половины избирателей проигнорировали парламентские выборы в Закарпатской, Днепропетровской, Запорожской, Николаевской, Одесской, Харьковской и Херсонской областях. Впрочем, в целом их легитимность, как и президентских, под сомнение в новостях не ставится. Если выборы являются главной темой, то накануне дня голосования в 97% случаев о легитимности выборов вообще не говорилось (в конце сентября 94%), а если выборы являются дополнительной темой, то таковых 94% сообщений (в сентябре 85%).

По сравнению с маем 2014 года за неделю до выборов 26 октября объем недельного новостного потока уменьшился со 100 095 сек. до 89 965 сек., а

объем прямой речи политиков в эфире — с 13 038 сек. до 11 846 сек. Однако новости, как и в течение всего года, “украиноцентричны” — 64% сообщений о политических новостях в Украине, а вместе с международными, связанными с Украиной, 71% всего потока. Война на Востоке остается наиболее часто упоминаемой главной темой сообщений, хотя ее доля уменьшилась с 35% в начале сентября до 28% накануне голосования. Как и в мае, 43% сообщений были из восточных областей. Новости остаются и моновалентными: всего 10% сообщений содержат две точки зрения на событие, хотя на отдельных каналах этот показатель достигает 15–18% (“СТБ”, “Интер”).

Со стороны Украины среди участников конфликта накануне выборов наибольшее внимание к государству и его органам (36% сообщений, в конце сентября 31%) и вооруженным силам (32%, в конце сентября 34%). Касательно другой стороны — к России и ее руководящим органам (12%, на четвертой неделе сентября 15%, на второй неделе сентября 23%), к гражданскому населению восточных областей — 11% и к вооруженным формированиям “ДНР” и “ЛНР” — 10% (в конце сентября 11%, рис. 6). Среди участников конфликта позитивно оцениваются общественные организации и волонтеры Украины (18% всех упоминаний об этих субъектах, в конце сентября 22%), вооруженные силы Украины (8%, на четвертой неделе сентября 11%), а негативные и иронические оценки чаще всего адресованы государственным органам Украины — 29% (в конце сентября 26%). К гражданскому населению на Востоке отношение преимущественно нейтральное (98%, в сентябре 93%), а к незаконным вооруженным формированиям (92%, в сентябре 87%), “ДНР”, “ЛНР”, “Новороссии” (87%, в сентябре 79%), а также к России и ее государственным органам (74%, в сентябре 74%) и Вооруженным силам России (85%, в сентябре 59%) — преимущественно негативное.

О такой биполярности оценок участников конфликта свидетельствует и частотный словарь маркировок субъектов, относящихся к той или иной стороне. Среди номинаций стабильно лидирует оппозиция между “*Патриоты (активисты, волонтеры, побратимы, добровольцы)*” (13% сообщений) и “*Террористы, диверсанты, наемники, бандиты, мародеры, боевики*” (20%, рис. 7).

Заметно меньше в новостях стало лидеров “ДНР” и “ЛНР”, они практически не упоминаются, бывший лидер “ДНР” П.Губарев в октябре имел 20 секунд синхрона. О гражданском населении говорят чаще и в основном позитивно, однако его точка зрения на события фактически отсутствует. То есть комментарий в подаче конфликта украинскими телевизионными новостями дается одной стороной, что должно создавать впечатление эффективного контроля за ситуацией. Известно, что телевидение Израиля подобным образом освещало вооруженные столкновения в ходе первой Интифады [Handley, Ismail, 2010].

В мае 7% сообщений попадали в новости из Интернета, а в октябре только 2%, то есть масштабы журналистики слухов заметно сократились. Дело в том, что летом заработали пресс-службы АТО, Совета национальной безопасности и обороны, Министерства внутренних дел, а также Информационного сопротивления, и доля сообщений от них составляла 9%. После трагедии с армией и добровольческими батальонами под Илловым стало очевидно, что в сообщениях этих служб ощутимо представлены элементы пропаганды, когда факты замалчиваются или приукрашиваются. Так к жур-

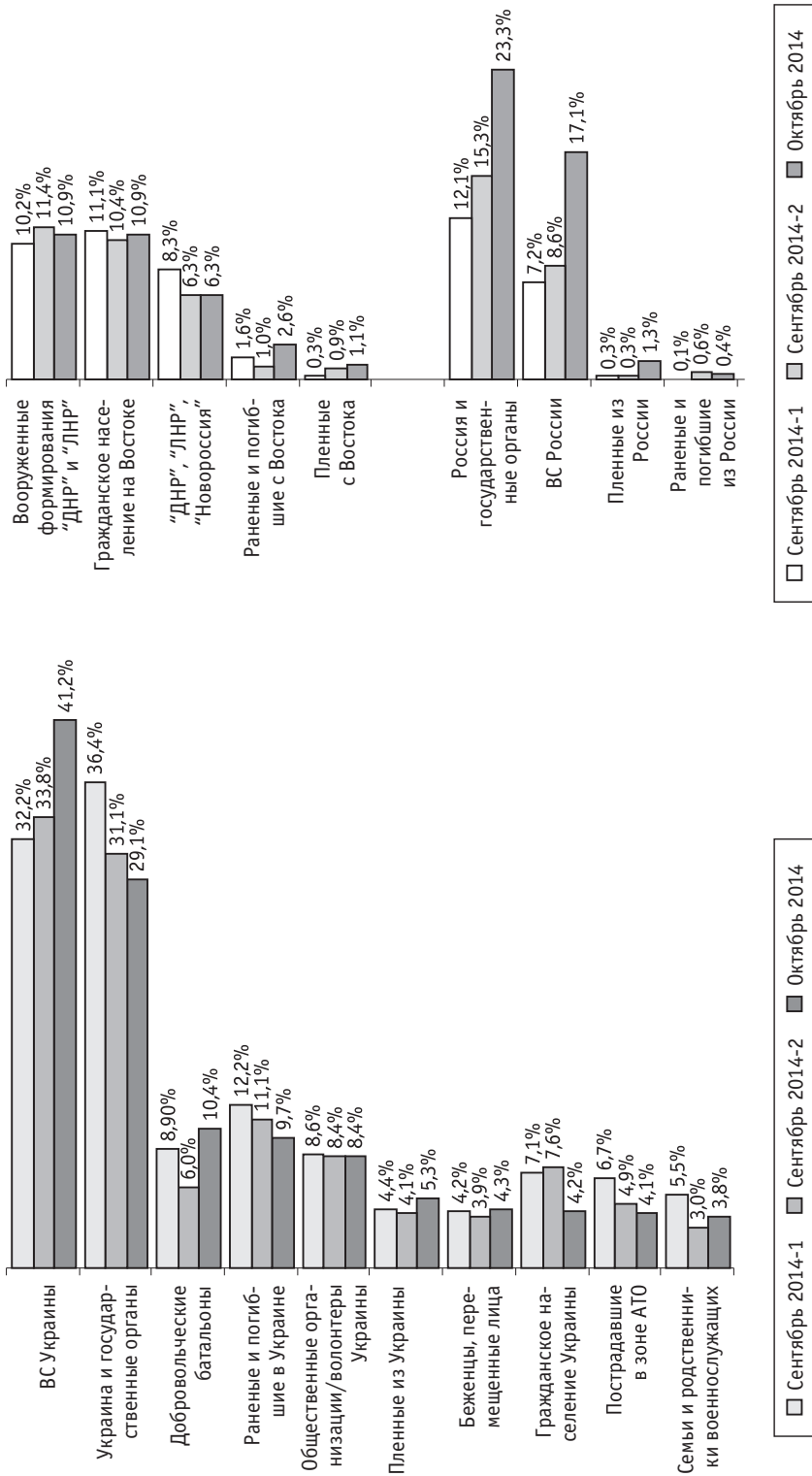

Рис. 6. Вниманье к участникам конфликта в новостях украинских телеканалов: 8–13 сентября, 22–27 сентября, 13–18 октября 2014 года (N = 759, 701, 686)

налистике преданности, представленной репортажами собственных корреспондентов (53% в октябре, часть из них, безусловно, составляет профессиональную журналистику, которая уже дала ряд отличных военных репортеров), и журналистике слухов, присоединилась журналистика пропаганды; пропорции между ними в содержании новостей едва ли именно таковы, но их присутствие сомнения не вызывает.

Рис. 7. Маркировка участников конфликта в новостях: 13–18 октября 2014 года (N = 686)

Только за неделю до голосования выборы законодателей стали в новостях событием, формирующим медиа-реальность. Внимание к ним возросло до 13% сообщений в виде главной темы и до 7% — в виде дополнительной темы, тогда как в конце сентября было соответственно 4% и 3%, что заметно меньше, чем внимание к президентским выборам. Чаще всего о них говорили в новостях "Интера" (25%) и "ICTV" (23%), а меньше всего — на "СТБ" (6%) (рис. 8). Новости, таким образом, подавали эти выборы как менее судьбоносное событие по сравнению с выборами президента; очевидная асимметрия значимости, природа и источник ее настолько сложны по происхождению, что требуют воздерживаться от поспешных и потому всегда поверхностных или банальных суждений. К тому же контент новостей не дает материала для формирования обоснованных предположений о происхождении такой асимметрии значимости. Однако, зная о низкой явке на выборы, трудно удержаться от констатации совпадения между таким форматированием новостями избирательной кампании и настроениями значительной части граждан, абсентеизм которых стал выражением недоверия к имевшемуся осенью 2014 года контингенту политиков и к политике в целом.

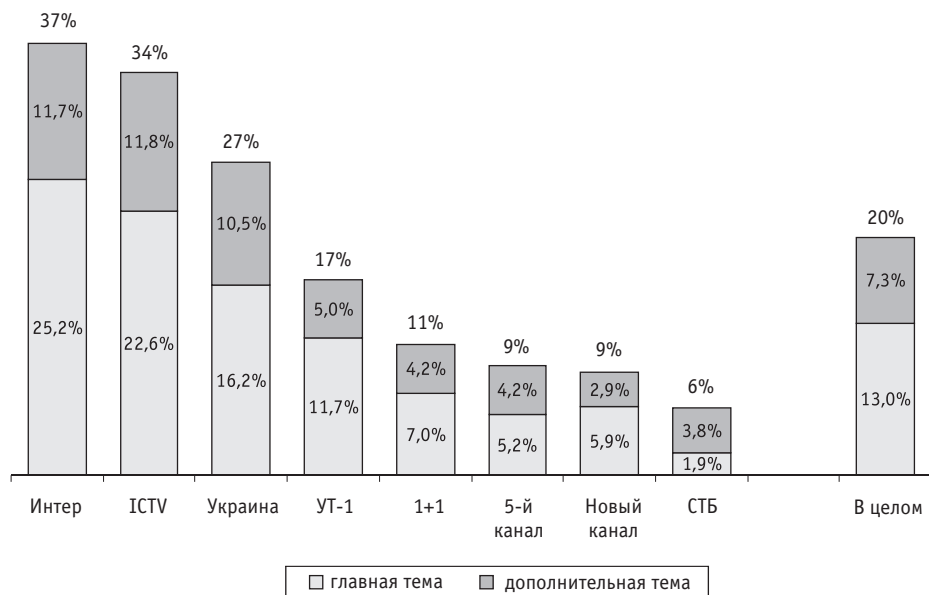

Рис. 8. Внимание к парламентским выборам в новостях украинских телеканалов: 13–18 октября 2014 года (N = 686 сообщений об Украине)

За неделю до выборов всего 11 из 29 партий, конкурировавших за места в Верховной Раде, упоминались в новостях, а о добровольческих батальонах говорили чаще, чем о некоторых партиях. Лидерами внимания к коллективным политическим и общественным объединениям были Оппозиционный блок (7%) и ВО “Батьківщина” (5%), тогда как в конце сентября “ДНР” (4%), ВО “Батьківщина” и Партия регионов (по 3%), а в начале месяца “ДНР” (6%), “ЛНР” (3%) и ВО “Батьківщина” (2%). При этом Оппозиционный блок оценивался преимущественно позитивно, а власть получала больше негативных суждений от журналистов и политиков, они адресовались Кабинету министров (43% всех упоминаний о субъекте) и местным органам власти (33%). Позитивные оценки достаются Украине в целом — 13% (в конце сентября — 15%, в начале — 12%). Два месяца подряд к политическим институтам наиболее критически относились новости “Интера” — в октябре 38% всех упоминаний об институтах, в сентябре 24% и 15% соответственно. Иначе говоря, направленная на власть политическая антиреклама в новостях, практически отсутствовавшая в сентябре, стремительно увеличивается в предпоследнюю неделю агитации; преимущественно негативно подавали Радикальную партию Олега Ляшко (“1+1”) и Объединение “Самопоміч” Андрея Садового (“Интер”), что служит манифестацией политических предпочтений владельцев или редакций этих каналов.

Накануне выборов вырос объем синхрона политиков, предоставление которого в новостях является наиболее эффективным инструментом участия каналов в предвыборной кампании, достигнув 11 846 сек. (в конце сентября — 9 092 сек., в начале сентября — 11 061 сек). Почти половина всего эфирного времени приходится на нескольких персон: П.Порошенко (11%), А.Яценюк (7%), которые возглавляют коалиционные силы, представители пресс-служб антитеррористической операции А.Лысенко (9%), В.Селезнев

(5%) и лидеры оппозиции Ю.Бойко (6%), Н.Шуфрич (5%) и А.Вилкул (5%), что наглядно сигнифицирует новостной формат как “выборы во время войны”.

Представители 11 партий и блоков из 29 внесенных в бюллетень говорили в октябре в прямом эфире. В ходе избирательной кампании конфигурация распределения синхрона в новостях, хоть и осталась асимметричной в пользу действующей власти, несколько изменилась в пользу оппозиционных сил. Если в начале и в конце сентября доля комментариев и высказываний представителей власти в шесть раз превышала долю прямой речи тех, кто относился к оппозиции (68% против 11%, 72% против 12% соответственно), то накануне выборов — в 3,4 раза (64% против 19%). В течение двух месяцев синхрон политиков Оппозиционного блока поступательно возрастал с 1% в начале сентября и 10% в конце сентября до 16% перед выборами. Одновременно синхрон представителей “Народного фронта” сократился с 19% в конце сентября до 12% в октябре, представителей Блока П.Порошенко (без доли прямого эфира президента) — с 9% до 4%, представителей “Батьківщини” — с 13% в начале сентября до 5%. Синхрон политиков из Радикальной партии составлял в октябре 4%, “Сильной Украины” — 3%, “Самопоміч” — 2%, “Свободы” — 2% (см. табл.).

Таблица

**Распределение синхрона представителей
основных политических сил в новостях украинских телеканалов:
8–13 сентября, 22–27 сентября, 13–18 октября 2014 года, %**

Политические силы	Сентябрь 8–13	Сентябрь 22–27	Октябрь 13–18	Сентябрь 8–13	Сентябрь 22–27	Октябрь 13–18	Сентябрь 8–13	Сентябрь 22–27	Октябрь 13–18
	“УТ-1”			“1+1”			“ИНТЕР”		
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
Президент	11%	11%	15%	14%	15%	19%	5%	23%	5%
Блок П.Порошенко	6%	6%		4%	9%	5%	4%	4%	4%
“Народный фронт”	8%	25%	13%	22%	26%	18%	8%	3%	1%
“Батьківщина”	47%	5%	2%	3%	2%		8%	10%	3%
Радикальная партия О.Ляшко			9%		4%			5%	15%
“Самопоміч”	1%		2%	1%			15%		
“Свобода”			6%			5%	2%		1%
Оппозиционный блок							2%	16%	31%
“Сильная Украина”	2%			1%					6%
Другие	25%	53%	53%	55%	45%	53%	56%	39%	34%
<i>N</i>	1902	1048	741	1126	1084	911	1882	1017	2431

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	НОВЫЙ КАНАЛ			“ICTV”			“СТБ”		
Президент	26%	18%	13%	15%	9%	12%	25%	20%	25%
Блок П.Порошенко			5%	9%	7%	6%	7%	2%	7%
“Народный фронт”	11%		19%	11%	15%	15%	11%	24%	11%
“Батьківщина”		20%	17%	12%	11%	7%	5%	3%	5%
Радикальная партия О.Ляшко				9%			1%		1%
“Самопоміч”				3%	3%	2%	1%		1%
“Свобода”			6%		4%	4%			
Оппозиционный блок					2%	6%			
“Сильная Украина”	17%	12%	15%	2%	2%	8%	2%		2%
Другие	46%	50%	25%	39%	47%	40%	48%	51%	48%
N	122	154	308	1161	1201	1459	1206	639	776
	“Украина”			5-й КАНАЛ			ВСЕГО		
Президент	3%	3%	4%	18%	12%	19%	11%	11%	9%
Блок П.Порошенко	12%	20%	5%	9%	1%	4%	7%	9%	4%
“Народный фронт”	5%	15%	12%	12%	31%	17%	10%	19%	12%
“Батьківщина”	4%	2%	7%	1%	6%	1%	13%	5%	5%
Радикальная партия О.Ляшко	1%		2%				1%	1%	4%
“Самопоміч”	1%		6%	1%			4%	1%	2%
“Свобода”			1%			3%	1%	1%	2%
Оппозиционный блок		27%	26%				1%	10%	16%
“Сильная Украина”	1%			2%			2%	1%	3%
Другие	73%	33%	37%	57%	50%	56%	50%	43%	43%
N	2603	2606	4196	1029	1277	1024	11061	9092	11846

Между тем каналы никак не демонстрировали единство в политических предпочтениях, придерживаясь собственной редакционной политики. Первый национальный, “1+1”, “СТБ”, 5-й канал накануне голосования не представляли новости в качестве площадки для высказываний оппозиционным политикам, распределив новостной синхрон преимущественно между

представителями “Народного фронта” и “БПП”. Напротив, “Интер” и “Украина” отдали спикерам Оппозиционного блока треть своего синхрона (31%, 26% соответственно), тогда как “ICTV” — 6%. Представители “Сильной Украины” говорили в основном на Новом канале (15% всего синхрона), “ICTV” (8%), “Интер” (6%), “Батьківщини” — на Новом канале (17%), “Украине” (7%), “ICTV” (7%), Радикальной партии О.Ляшко — на “Интер” (15%), “УТ-1” (9%), “Самопоміч” — на “Украине” (6%), “Свободы” — на “УТ-1” (6%), “1+1” (5%) (см.: табл., а также рис. 9).

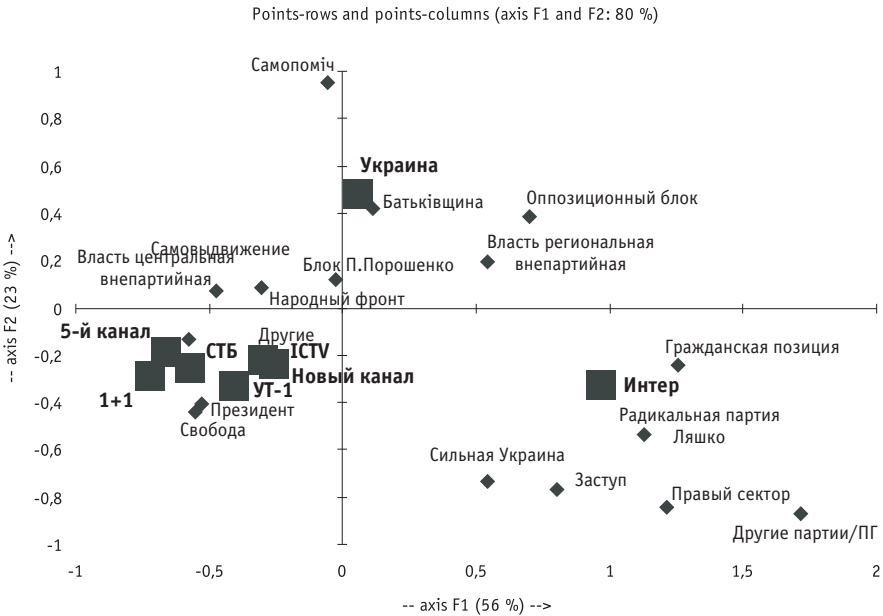

Рис. 9. Политические предпочтения украинских телеканалов: 13–18 октября 2014 года ($N = 11846$, corgespondence analysis*)

* $\chi^2 = 6606,91$, значимо на уровне 0,050, критическое значение $\chi^2 = 137,705$, при $df = 112$

В целом октябрьские новости ведущих украинских каналов определенно формируют картину значительно большей сегментованности политического поля с возрастанием активности его разнообразных агентов.

Итоговые констатации

Внеочередные президентские и парламентские выборы в условиях вооруженного конфликта и репрезентация их в новостях склоняют к четырем, по крайней мере, выводам.

Во-первых, моноmodalность и моновалентность медиа-ландшафта накануне президентских выборов является продуктом преимущественно “журналистики преданности”, разбавленной непроверенной информацией из Твиттера и Фейсбука. Информационному сопровождению конфликта присуще предельно схематическое и, возможно, поэтому всеобъемлющее клише “свои — чужие”, а при отсутствии на войне малейших гарантий взаимной физической и моральной безопасности граждан и военных другой

журналистики, кажется, и быть не может. Отключение российских телеканалов и минимизация присутствия “инсургентов” и “коллаборационистов” в украинских теленовостях подтверждают это правило. Российские новости в это же время транслируются в Донецкой и Луганской областях и говорят исключительно о “фашистах и бандеровцах”, которым противостоят ополченцы, “выступившие против зла, поднявшегося в Киеве” и двинувшегося в восточные регионы. То есть Украина предстает в них не столько как пространство социальной аномалии, подлежащее исправлению, сколько как пространство асоциальности вообще — явно неслучайный продукт многолетнего опыта российской индустрии пропаганды в формировании официального восприятия и интерпретации событий.

При этом массовое сознание комфортно размещается в таком же анахроническом различии. В интервью отдельных рядовых граждан Востока, которые подавали в прайм-тайм в Украине, фигурирует та же диада “мы — они” в однозначной этической окраске с четко распределенными инвективами — претензия на автохтонность, несовместимую с остальным государством. А в России респонденты в опросах массово поддержали и аннексию Крыма, и “помощь России соотечественникам” оружием на востоке Украины, подтверждая актуальность конфликтной оппозиции, а в равной мере признавая случайность существования определенных территорий в составе Украины. И уже не установить, то ли “журналистика преданности” в Украине, в значительной мере вынужденная, и сознательная и управляемая тотальность пропаганды в России так форматируют массовое сознание, то ли они, в свою очередь, программируются соответствующими представлениями и интерпретациями, удивительным образом преодолевающими социальные и образовательные различия между индивидами, приобретая статус наиболее распространенных. Зависимые и независимые интерпретаторы вынуждены либо выбирать между этими двумя опциями, либо пытаться очертить их возможные симбиотические сочетания, либо допускать их параллельное сосуществование, в отношении обязательности или необязательности которого пока не удастся предложить обоснованных гипотез.

Во-вторых, в отличие от президентских парламентские выборы повысили градус политической жизни и четче выявили неоднородность политических предпочтений граждан. Накануне выборов в высший законодательный орган медиа-реальность в новостях заметно дифференцируется как путем восстановления политической дихотомии “власть — оппозиция”, так и вследствие присущих населению политических предпочтений. Соответственно более дифференцированными оказались и политические предубеждения каналов, которые, безусловно, реагировали на заметную неоднородность намерений и установок избирателей в плане поддержки определенных партий, а противоположные позиции были представлены новостями “1+1” и “Интера”. В пользу представителей власти увеличилась асимметрия во внимании к ней и самопровозглашенной до результатов выборов оппозиции, асимметрия в синхроне также воспроизводилась — более заметная за месяц до выборов, но накануне менее выразительная. Присутствие в новостях направленной преимущественно против власти политической антирекламы, дополненной большим синхронем представителей Оппозиционного блока, стали актом реабилитации прежней власти. Оппозиционный блок, “Сильную Украину” и Коммунистическую партию Украины поддер-

жали 16,42% заполнивших бюллетени. То есть каждый шестой гражданин считает и убежден, что в 2010–2013 годах представители этих политических сил, имея большинство в парламенте и полноту исполнительной власти, все делали так как нужно, и им нечего стыдиться, либо выбирает “меньшее зло” — знак непреодоленных, а возможно, и непреодолимых в течение жизни одного или нескольких поколений различий в восприятии и интерпретации мира политики, направлений внутренней эволюции государственных институтов, целесообразности присоединения к привлекательным надгосударственным структурам и культурно-цивилизационных оснований вообще.

В-третьих, данные мониторинга новостей 2014 года, которые, как известно, находятся в комбинаторном средстве с реальностью, дают основания для ряда утверждений. В социуме в экстраординарном состоянии повседневные и научные определения, различения, разграничения и их сигнификации, которые были — или казались — релевантными в нормализованной ситуации, заметно теряют идентификационный потенциал, а социальная материя форматируется крайне непривычно. Следовательно, теперь актуализируется и в течение конкретного, но неопределенного времени будет воспроизводиться ее новая и злободневная текстура, которую уместно называть гетерогенной социально-политической сборкой, представляющей собой совокупность складок — неоднородных по разным признакам объединений, сочетаний, фигураций индивидов со свойственными им мировоззренческими и обыденными, порой удивительно устойчивыми, предпочтениями, ориентациями, предубеждениями, дискурсивными практиками и оценками. Вот она:

- Складка *государственной законодательной и исполнительной власти разного уровня*, высшие структуры которой только после 26 октября 2014 года, даты проведения выборов в Верховную Раду, были полностью легитимированы демократически проведенными выборами, низшие пребывают в ожидании уменьшения асимметрии в полномочиях и ресурсах, а все ее институты и организации подлежат обновлению в процессе люстрации и реформ. Необъявленная война поставила перед властью проблемы такого уровня сложности, соответствовать которому невероятно трудно, если вообще возможно. И это естественно генерирует повышенное внимание, недоверие и даже подозрения со стороны общественности и оппонентов к ее, власти, действиям.
- Складка *унитарности*, охватывающая пламенных и умеренных сторонников единства страны, ее территориальной целостности, тех, кто разделяет общечеловеческие ценности, права и свободы и кто образует социальную базу новой власти, в отношении которой сохраняются как завышенные ожидания и надежды, так и готовность и способность контролировать ее действия; это — складка распространения практик альтруизма и активности.
- Складка *индифферентности*, равнодушия и отчуждения, отсутствия интереса к политике, неучастия в выборах, сосредоточенности индивидов на себе.
- Складка *коллорационизма*, сознательного сотрудничества граждан, военных, милиционеров, государственных служащих разного уровня с внешним агрессором, а также материально-финансовая помощь ему.

- Складка *компромисса*, “*реалполитики*”, которую образуют носители установки на поиск оснований и условий толерантного сосуществования политических сил и граждан, разнящихся по мировосприятию и желаемому будущему.
- Складка *реставрационных настроений и действий*, носителями и субъектами которых являются граждане, не согласные с результатами событий 2014 года, убежденные в действенности прежней практики властвования и необходимости возвращения к ней, не согласные поддерживать действия новой власти и в большинстве своем демонстрирующие приспособительное к обстоятельствам или выжидательное поведение; это те, кто на выборах в Верховную Раду поддержал Оппозиционный блок; складка, в рамках которой допустимы как саботаж выполнения управленческих решений, так и проявления некомпетентности и непрофессионализма.
- Складка *инсургентов* — вооруженных противников власти, часть которых прибыла из соседних государств или псевдогосударственных образований.
- Складка *страдания* (мизерабилизма), беженцы и переселенцы, потерявшие жилье и работу, а также потерпевшие во время военных действий, семьи погибших украинских солдат, офицеров, гражданских, раненые и искалеченные.
- Складка *неподконтрольной территории*, власть и гражданское население тех фрагментов Донецкой и Луганской области, которые находятся по ту сторону разделения военных по Минскому соглашению. В основном люди там считают себя униженными и оскорбленными февральскими событиями в Киеве, чувствуют угрозу со стороны радикально настроенных “националистов” и говорят об этом, не считают нынешнюю Украину своим “домом”, признают законным отделение от остальной страны, а в ополченцах и инсургентах видят гарантов защищенности.
- Складка *утраченной территории* — Крым, фантомная боль Украины, которая подпитывает мечты и иллюзии о восстановлении статус-кво 1954 года.

В-четвертых, новости ориентируются на лидеров предвыборных гонок и тех, кто, как в случае М.Добкина или Оппозиционного блока, активно создает информационные поводы. Уже после регистрации кандидатов и первых рейтинговых замеров популярности было понятно, что в мае 2014 года выбор граждане будут делать между П.Порошенко и Ю.Тимошенко, а в октябре сторонники власти — между Блоком П.Порошенко и “Народным фронтом” во главе с премьер-министром А.Яценюком. И новостные программы воспроизводили эту ситуацию, скорректировав ее согласно установкам редакционной политики. Вместе с тем вооруженный конфликт как бы наложил запрет на “черный пиар” в мае: претенденты в публичных заявлениях не затрагивают, за исключением единичных случаев, программ, политического прошлого и настоящего конкурентов, а в новостях немногочисленные сомнительные и негативные оценки адресованы только лишь отдельным политикам. Однако в октябре 2014 года критика власти и соответствующих партий звучит гораздо громче и агрессивнее. То есть в президент-

ской кампании каналы как бы забыли, что они являются бизнес-структурами, а в парламентскую кампанию — вспомнили. Стало очевидным, что взаимодействие власти и медиа-рынка требует взвешенной корректировки правил в новых условиях и безусловного вовлечения в публичное обсуждение идеи свободы слова с аргументацией либо незыблемости этого принципа, либо обстоятельств или сроков его ограниченной имплементации.

Источники

- Bell M.* The death of news / Martin Bell // War, Media & Conflict. — 2008. — Vol. 1 (2). — P. 221–231.
- Bolt N.* The violent image: Insurgent propaganda and the new revolutionaries / Neville Bolt. — New York : Columbia University Press, 2012. — 429 p.
- Goddard P.* Patriotism meets plurality: reporting the 2003 Iraq War in the British press / Peter Goddard, Piers Robinson, Katy Parry // War, Media & Conflict. — 2008. — Vol. 1 (1). — P. 9–30.
- Handley R.L.* Territory under siege: 'their' news, 'our' news and 'ours both' news of the 2008 Gaza crisis / Robert L. Handley, Amani Ismail // War, Media & Conflict. — 2010. — Vol. 3 (3). — P. 281.
- Melki J.* The interplay of politics and culture in news framing of Middle East wars / Jad Melki // War, Media & Conflict. — 2014. — Vol. 7 (2) — P. 165–186.
- Ruigrok N.* Journalism of attachment and objectivity: Dutch journalists and the Bosnian War / Nel Ruigrok // War, Media & Conflict. — 2008. — Vol. 1 (3). — P. 293–313.
- Rusciano F.L.* The 'right to know vs knowing what's right': tabloid ethics and news reporting in the Iraq War / Frank Louis Rusciano // War, Media & Conflict. — 2010. — Vol. 3 (3). — P. 245–260.